

Кристиан Гайи

Случай

1.

У нее были необыкновенные ноги.

Из-за этого ей приходилось бывать в таких местах, где она бы в жизни не оказалась, если бы они были обыкновенные.

И хотя на первый взгляд они были самые обычные (и легкие-легкие, словно созданные для того, чтобы бежать по воздуху – так же ловко, как матросы сплывают по палубе корабля) – подошва, пальцы (ровно пять), пятка, подъем – у них была такая особенность: они были вытянутые и узкие, не то чтобы особо длинные, можно даже сказать, совсем не длинные, просто так казалось из-за того, что они были узкие, да, необычайно узкие.

Поэтому она не могла купить себе туфли не пойми где, не пойми у кого, ей приходилось ездить в Париж к тому мастеру на... Да как же его? Вылетело из головы название, там еще рядом площадь с колонной, он и сейчас там работает, ладно, не суть, и вот там-то, на выходе из обувного, с ней и произошел этот случай.

Что за случай? О, ровным счетом ничего серьезного, прямо скажем, ничего особенного, самая что ни на есть безделица, самая что ни на есть банальность, но порой самые банальные безделицы могут к такому привести! Какому такому? А вот увидим.

Погода стояла отличная. Небо было голубое-голубое, голубее не бывает, никто, правда, не смотрел, что оно голубое, а не смотрел потому, что смотреть было невозможно, неудивительно, ведь оно так сияло, так слепило, словно это не небо, а одно огромное голубое солнце. Словом, погода была хорошая, даже слишком. Дело известное, когда что-то слишком хорошо (будь то погода или что другое), то это становится невыносимо.

Три дня как стояла страшная жара. На завтра обещали грозы. В Париже всегда так, хорошая погода долго не держится. Что, говорите? Неправда? Всякое бывает? Ну, может быть, но чаще всего приходят грозы, а все потому, что горячие воздушные массы сходятся с очень холодными.

Она тоже знала про воздушные массы, но в тот день об этом не думала. В тот день она была самой обычной женщиной, если так, конечно, можно выразиться, ведь она никогда не была и не будет (по крайней мере, для меня) самой обычной.

Итак, она приехала в Париж, чтобы купить туфли. В магазине было жарко, как в духовке – или как в парилке, кому как больше нравится, одни говорят «как в духовке», другие – «как в парилке», на выбор, в парилке жара влажная, а в духовке – сухая, натуральное пекло.

Сначала ей пришлось присесть и подождать, пока кто-нибудь из продавщиц освободится. Она надеялась, что ей достанется ее любимица, невысокая брюнетка с короткой стрижкой и лицом, как у мальчишки (здесь уточним: огромные светло-карие глаза с зеленым отливом, полные красно-коричневые, почти лиловые, губы), когда эта продавщица прикасалась к ее ногам, по ее телу разливалась смутная истома.

Затем она потратила немало времени, выбирая и меряя туфли, а все потому, что цвет, модель и размер все никак не хотели сойтись вместе – так всегда бывает, чтобы все сошлось, чтобы все совпало – приходится самую чуточку – но и это уже чересчур – уступить, пойти на компромисс, поступиться, так сказать, принципами.

Наконец, она определилась и выбрала пару туфель – и модель была почти такая, как она искала, и цвет практически тот, что надо, и главное, сидели они как влитые.

Туфли положили в коробку (валетом, каблук к носку), словно в колыбельку или в гробик, один на двоих, словно воплощая извечную мечту всех любовников – стать единым целым, вот так, накрыли шелковой бумагой, закрыли крышкой, а коробку положили в зеленый пакет и защелкнули кнопки вокруг ручки, только одна из кнопок все не поддавалась, стоило справиться с самой левой, как расстегивалась самая правая, вот досада!

"Оставьте так", – сказала она продавщице. Затем расплатилась, попрощалась и вышла. И вот тут-то все и случилось.

На улице было полно народу, толпа двигалась еле-еле, нога за ногу, текла, не ведая, куда. Солнце так и пекло, аж глазам было больно от света. Мы обычно даже не представляем – если вообще задумываемся об этом, но как знать, может, кто и задумывается – сколько на одной улице находится, вмещается всего блестящего. Оно обычно кажется тусклым, но как только начинает припекать, серость плавится, потоки грязи стекают, а из-под них выступает, переливается, занимается, загорается, прямо-таки полыхает блеск, ослепляя мужчин и женщин.

Это была необыкновенная женщина, не устану это повторять, женщина удивительной красоты и редкостной элегантности, и, не выпуская из левой руки пакет с обувью, она решила открыть сумочку, где должны были лежать черные очки.